

Критика и библиография

Н.В. Андреев. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003. 318 с.; Н.В. Андреев. История пермского городского самоуправления (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в.) Екатеринбург; Пермь, 2003. 368 с.

Две книги Н.В. Андреева объединены единством замысла. При этом ему удается учесть и «органическую связь исторического и историографических процессов», и наряду со степенью изученности темы представить концептуальные подходы к ее исследованию. Обширный историографический экскурс помог автору выявить дискуссионные вопросы и узловые понятия, на которых он сосредоточил внимание при анализе городского самоуправления Перми: связь с исследованием сословий, процессом правообразования в России, с механизмом действия всей системы государственности. Обращение к историографии показало необходимость переноса акцентов с социально-экономического развития города на изучение его административно-управленческих механизмов, на тенденции либерализации городской жизни, формирование гражданских общественных традиций русского города, в целом на начинания Екатерины II даже при отсутствии в провинции необходимых предпосылок для их полной реализации. Историографический анализ позволил Андрееву прийти к выводу о том, что «на региональном уровне история городов и городского хозяйства по-прежнему остается слабо изученной темой», что рассматривать ее нужно с позиций модернизационного и цивилизационного подходов, с учетом условий для перехода к гражданскому обществу.

Избранный им период следует признать ключевым для изучения темы, поскольку именно тогда начало расти доверие центральной власти к местной «самодеятельности» и «мощные экономические и социальные ресурсы Урала» получили региональные (губернские, уездные и городские) административно-политические и судебные структуры, результатом чего и стало возникновение Перми, в которой новое городское самоуправление начинали «с чистого листа». Его изучению посвящены четыре главы второй книги. В первой главе рассматривается формирование органов городского самоуправления (магистрата и го-

родского головы, а с 1787 г. – дум) в контексте становления и развития городского общества. Детально описана громоздкая процедура перехода в городские сословия и выхода из него, порядок выборов в органы самоуправления, их персональный состав, время действия различных «городовых служб» с учетом имущественного, социального и даже возрастного и семейного цензов. В 22 таблицах приложения представлены: динамика численности пермского купечества и мещанства за 1782–1795 гг. и за 1800–1825 гг., а также населения города в конце XVIII в.; списки баллотирующихся, избранных и проведение перевыборов; состав магистрата городской думы (в том числе и 6-ти гласной), список городских голов на протяжении всего изучаемого периода; общественные должности, занимаемые пермским купечеством в конце XVIII в.; регистр купцов на 1811 г., а также выборные должности в первой половине XIX в.

Во второй главе освещается «разнообразная и многофункциональная» деятельность городской думы: вопросы противопожарной безопасности, работа полиции, эпопея возведения городского гостинного двора, «приключения» при строительстве зданий для органов самоуправления, обустройство городом торговой баней, архивом, культовыми сооружениями, организация ярмарочной, розничной, и мелочной торговли и превращение тем самым Перми в крупный торговый центр, деятельность в социальной сфере (борьба с нищенством, помощь Приказу общественного призрения и народному образованию). Городской бюджет и финансовая деятельность рассмотрены в третьей главе. Важность данного сюжета никем не оспаривается, однако предметом изучения городские финансы становятся чрезвычайно редко. Андреев не только реконструировал динамику расходной и приходной частей бюджета на протяжении всего исследуемого периода, выявив источники финансовых поступлений и статьи расходов. Он также сделал вполне удач-

ную попытку перейти к детальному изучению работы бюджетного механизма, а именно: показать из каких денежных пополнений происходили выплаты опять же по различным статьям расходов (примером может служить связка: поземельный сбор – траты на полицию). Наряду с этим анализируются регулярные и разовые сборы в доходную часть бюджета, а также «черновые ведомости», разбор которых позволяет поставить и изучить вопрос о недоимках. Собранный материал представлен в 13 таблицах приложения. В работе рассмотрены также деятельность «Комитета по уравниванию городских и земских повинностей» 1807 г., введение дифференцированного поземельного налога 1810 г., появление среднесрочного планирования (3-летних смет). Все это свидетельствовало о хозяйственной самостоятельности городского общества, появившейся в результате четкого определения бюджетной компетенции («автономных финансовых полномочий») городов в российском законодательстве, обособленности городского хозяйства как имущественного комплекса и «относительной» финансовой самостоятельности городского общества как юридического лица, а также заинтересованности купцов, мещан, цеховых «в приумножении не только личного, но и общегородского благополучия».

В четвертой главе речь идет о городском магистрате, который состоял из уголовного, гражданского и разрядного повыйтий. Рассмотрена роль этого органа как суда первой инстанции членов городского общества, под началом которого находились также Словесный и Сиротский суды. Дана исчерпывающая характеристика функциям разрядного повыйтия: осуществление межсословного перехода и смены места жительства, проведение ревизского учета, соблюдение паспортного режима, оценка недвижимого имущества, контроль за процедурой бракосочетания, решение дел по долговому векселям и распискам. Показан механизм формирования обывательской книги «как важнейшего инструмента определения членства в городском обществе». Анализируя действия должностных лиц и процедурные вопросы, автор приходит к заключению о жесткой исполнительской дисциплине в данном учреждении и о его эволюции к исполнению главным образом надзорных функций.

Основополагающим источником достоверной и комплексной информации для исследования Андреева стали документы делопроизводства изучаемых органов (в том числе журналы заседаний думы, счета, свидетельства для залога, обывательские книги и т.п.). В центре его внимания – компетенция, полномочия, методы работы учреждений и лиц,

определявшие внутренние и внешние связи органов самоуправления (их вертикальные и горизонтальные отношения с другими структурами). Автор показывает нежизнеспособность в условиях молодого провинциального города Общей думы, хотя идея закрепления за ней законодательных, а за 6-ти гласной думой исполнительных функций самоуправления оценена положительно: по мнению автора, она была опробована в Перми и доказала свою «практическую целесообразность». Он прослеживает процесс перераспределения полномочий между магистратом и городской думой, при котором первый все более превращался в судебный и контрольный орган, а вторая, соответственно, – в административно-хозяйственный. Благодаря «тесной взаимосвязи различных видов и уровней ответственности» в конце изучаемого периода происходило усиление взаимодействия всех городских структур, и возникали органы их совместной компетенции: «Градские дела», общие присутствия.

Отношение губернских и наместнических органов к пермскому самоуправлению сводилось к невмешательству вышестоящих органов в избирательную и финансовую политику последнего, когда административный контроль сводился к исполнению буквы закона: губернатор утверждал запланированные расходы и, к примеру, отказался увеличить поземельный налог в 1807 г. «Без излишнего администрирования, преимущественно путем диалога» губернские органы решали с городским самоуправлением вопросы, не вмененные тому прямо, например, обеспечение общественной безопасности или социально значимые задачи. О росте полномочий пермского самоуправления свидетельствует и возложение на него «обязанности обеспечить взимание земских повинностей». «Мы еще раз утверждаем, – пишет автор, – что система городского самоуправления полнокровно функционировала уже в тот период». В другом месте он также отмечает активное стремление городского общества «к выражению собственного мнения, своей самостоятельности, общественных интересов». Особенно ярко данная тенденция проявилась в «постоянно возраставшей правовой и фактической самостоятельности» мещанства, вплоть до достижения «равноценной значимости купца и мещанина», что свидетельствовало о необратимой «либерализации избирательного процесса», «приобретавшего всесословный характер» и подключавшего к управлению широкие слои горожан.

И хотя речь в работе идет об учреждениях, их создание и функционирование персонализированы. Текст «пестрит» именами и фамилиями. В дискуссию о восприятии общественной службы (как повинности и даже

наказания) монография вносит вклад наблюдениями о создании «костяка» управленцев, о прохождении ими ступеней своеобразной «служебной лестницы», о магистрате как школе городского управления и в связи с этим – об отсутствии «случайных людей на выборных должностях» и об управленческом опыте как критерии занятия высокого поста. Описание функциональных обязанностей ратмана-«расходчика» вообще ставит вопрос о профессионализации верхушки самоуправления.

Единственным, на наш взгляд, недостатком работы является отсутствие определения понятия «городское хозяйство». Однако это не

уменьшает достоинств исследований Андреева, благодаря которым историческая наука обогатилась тремя полноценными исследованиями: историей пермского городского самоуправления, историографией проблем изучения российского города и размышлениями зрелого профессионала-практика о значении данной темы в историографическом процессе с методологической точки зрения.

С.В. Голикова,
доктор исторических наук,
Л.А. Дашкевич, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН)

Е.Ю. Тихонова. Русские мыслители о В.Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Совпадение, 2009. 327 с.

Настоящая книга безвременно скончавшейся Е.Ю. Тихоновой (1953–2008) – замечательное исследование, замыкающее целый ряд ее монографий, посвященных характеристике личности и творчества В.Г. Белинского¹. Особенностью всех этих работ стал отход от неисторичного, но за многие десятилетия ставшего, увы, привычным образа «революционного демократа» и «одного из великих предшественников русской социал-демократии»². В своих книгах и статьях Тихонова вернула Белинского из вневременного пантеона непререкаемых авторитетов в круг людей 1830–1840-х гг., с их спорами, надеждами, разочарованиями, бесконечными личными столкновениями и драмами. И как ни странно, от этого он оказался лишь ближе современному читателю. Благодаря блестящему знанию и глубокому анализу источников в работах Тихоновой голос «человека без маски» зазвучал со страниц его писем и статей более внятно, живо, а иногда и неожиданно, он уже ничем не напоминал монотонную речь хрестоматийного классика. Разумеется, это вовсе не означало какого-либо «разоблачения» критика или «принижения» его значения в истории русской общественной мысли. Напротив, для Тихоновой всегда было характерно внимательное и сочувственное отношение к исканиям Белинского, никогда не переходившее, однако, в апологетическое восхваление. Оставаясь критичной и подчеркнуто корректной в освещении исторических событий и лиц, она сумела выразить и передать чувство симпатии к своему герою.

Тщательно было изучено Е.Ю. Тихоновой и осмысление современниками и потомками «роли Белинского в общественной мысли 1830–1840-х гг.». В изданной уже посмертно ее монографии творчество Белинского пред-

стает как предмет бесчисленных интерпретаций публицистов, историков, литературоведов, философов различных поколений и взглядов. Хронологически книга охватывает целое столетие – со второй половины 1850-х гг. до середины 1950-х гг., причем, кажется, ни одно значимое суждение о Белинском, сделанное в это время, не осталось вне поля зрения автора.

Справедливо отмечая, что «в западничестве 1840-х гг. не сложилось революционного и либерального течений» (с. 218), Тихонова пишет: «Белинский, подобно Пушкину в литературе, заложил в общественной мысли основу многих теорий» (с. 36). Неудивительно, что его наследие в 1850–1860-х гг. оказывалось по-своему близким публицистам и критикам самых разных «направлений» и взглядов. Так, с А.В. Дружининым его сближали «отказ считать личность орудием мирового прогресса» и «пафос любви к искусству», с А.А. Григорьевым – утверждение «интуитивности художественного творчества» и «права личности на полнокровность», а также отрицание «предустановленной прогрессивности истории», «разрушитель эстетики» Д.И. Писарев «довел до предела просветительские элементы мировоззрения Белинского и вместе с тем подхватил пафос его борьбы с традиционностью во всех сферах жизни» и т.д. При этом никто из них не являлся прямым последователем и продолжателем Белинского, хотя они не раз апеллировали к его идеям и мнениям. Как показала Тихонова, слишком уж велики и существенны были расхождения в позициях и устремлениях между ним и журналистами 1850–1860-х гг. По мнению Тихоновой, «надежды деятелей 1860-х гг. увидеть Белинского безраздельно захваченным своей “правдой” оказались бы обманутыми живым критиком» (с. 23).